

6 февраля 1989 года

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ЛЮДИ И СТРАСТИ

После двенадцатилетнего перерыва в нашем городе вновь гастролирует гамбургский театр «Талия». На сцене Театра имени А. С. Пушкина гости из ФРГ дважды показали спектакль по трагедии И.-В. Гете «Клэвиг».

Это произведение не относится к числу общепризнанных шедевров Гете. И в Германии пьесу ставили редко и неохотно, а в русском театре она вообще не имеет сценической истории. После шумного успеха «Генриха фон Берлихингена», впервые принесшего молодому Гете общегерманскую известность, все ожидало от драматурга новых героических пьес в духе «бури и натиска». Вместо этого Гете решил попробовать себя в жанре «мещанской» драмы. Пьесы из жизни людей «третьего сословия», о бытовых и нравственных проблемах только-только начинавшей осознавать себя реальной общественной силой буржуазии были своего рода повторением поиском путей развития драматургии.

Сюжет для трагедии Гете заимствовал из «Мемуаров» Бомарше, которыми в семидесятых годах XVIII века зачитывалась вся Европа. Историю о том, как юный Бомарше сбежал в Мадрид, чтобы спасти честь сестры, обманутой немским журналистом Клэвиго, Гете дополнил трагической развязкой. Среди дейст-

вующих лиц пьесы нет богов, царей, героев, но образы Бомарше и его сестры Мари отмечены благородством мыслей, чувства и поступков почти беспредельным. Им противопоставлены холодная рассудочность Клэвиго и особенно его приятеля Карлоса, их стремление всем пожертвовать ради карьеры.

Постановщик спектакля, режиссер Александр Ланг (два года назад, во время ленинградских гастролей «Дойчес театер», мы видели его интерпретацию «Смерти Дантона» Г. Бюхнера) достаточно трезво оценил возможность увлечь современного зрителя актуальной для XVIII века прогрессивной социальной направленностью пьесы. Многословные, выспренние монологи Бомарше, слезливая сентиментальность Мари, прямолинейные саморазоблачения Клэвиго и Карлоса режиссер не пытается замаскировать. Наоборот, в спектакле все это подчеркивается и акцентируется. Уже если Бомарше начинает декламировать, то остановить его, кажется, никому не под силу. Уже если Мари страдает, то прямо корчится в конвуль-

сиях. А Карлос чуть ли не змеиную пластику демонстрирует, уговаривая Клэвиго отказать от непроститной невесты.

Поняв даже как-то не по себе становится от столь откровенно непочтительного отношения режиссера к Гете. Но постепенно сквозь несерьезное, насмешливое отношение актеров к своим персонажам начинает пробиваться подлинность чувств и искренность интонаций. И начинаешь верить, что такая Мари действительно не могла пережить повторную измену возлюбленного, что Клэвиго способен на тяжкие сомнения и глубокое раскаяние. В разговорах Клэвиго и Карлоса с их вычурностью манер и костюмов вдруг проскальзывают приметы сегодняшнего стиля общения молодежи. Все это представляется оправданным обиходом парадоксальностью режиссерского замысла: высечь искру художественного эффекта из столкновения вымысла и действительности несопоставимых, казалось бы, эпох.

К финалу от недостаточного почтительного отношения к классическому наследию не остается и следа. Мысли Гете о дене, которую неизбежно приходится платить за предательство и вероломство, полу-

чают в спектакле глубокое и серьезное звучание. Несчастья обычной буржуазной семьи приобретают чуть ли не космические масштабы. Подчеркнуто нейтральное оформление художника Рольфа Глиттенберга преобразуется в инфернальный пейзаж, ничего общего не имеющий с обычной мадридской улицей, где должно происходить действие. Клэвиго, еще недавно хладнокровно подчитывавший немногочисленные плюсы и многочисленные минусы своей несостоявшейся женитьбы, обо всем забывает, по-гамлетовски потрясенный гибелью возлюбленной.

Двенадцать лет, конечно, слишком большой срок для сравнений, но все же, вспоминая «Марию Стюарт», нельзя не позавидовать умению немецких театральных деятелей сохранять высокий творческий потенциал труппы, уровень театральной культуры.

И еще один повод для зависти. За два вечера зрительный зал Пушкинского театра не мог вместить и малой части тех, кто хотел познакомиться с искусством немецких артистов. Будем надеяться, что следующей встрече не придется ждать еще двенадцать лет. А пока ленинградцам остается с завистью изучать богатую афишу Дней театра ФРГ в СССР по рецензиям, опубликованным в «Советской культуре», на спектакли, которые увидели москвичи.

В. ПОЛУШКО

На снимке: сцена из «Клэвиго».

